

ДЕРБИ, ФАНАТЫ, ТРАДИЦИИ

Алекс Маннанов

ИСПАНСКИЕ ВОЙНЫ

К О Л Л Е К Ц И Я
FOOTBALL.UA

Публицистические очерки

ООО «Издательский дом Украинский Медиа Холдинг»

Киев
2011

УДК 796.332(460)
ББК 75.578(4)сп
М23

Маннанов Алекс

М23 Испанские войны. Дерби, фанаты, традиции: публицистический очерк, Маннанов А. — К.: ООО «Издательский дом Украинский Медиа Холдинг», 2011 — 256 с., ил.

ISBN 978-966-2320-42-8

Испания — страна, удивительным образом сотканная из составных частей, многие из которых не хотят быть частью единого целого. Из этого возникли не только футбольные, но и давние историко-культурные противоречия, обо всем многообразии которых идет речь в новой книге Football.ua. Самые принципиальные противостояния в испанском футболе, зарождение уникальной культуры поддержки, впитавшей в себя самый разный опыт других футбольных культур Европы, захватывающие истории преданности и предательства, коварства и геройства.

УДК 796.332(460)
ББК 75.578(4)сп

ISBN 978-966-2320-42-8

© Маннанов Алекс, 2011
© ООО «Издательский дом Украинский Медиа Холдинг», 2011
© AFP

Испанское дерби и становление института инчас

Свыше сорока миллионов испанцев, проживающих в стране, никогда вам не скажут, что они испанцы. Они говорят: «Я — каталец», «Я — баск», «Я — галисиец». В Монтевидео, столице Уругвая, с начала XX века живет арагонская диаспора, покинувшая Сарагосу. Они имеют уругвайское гражданство, но разговаривают на арагонес (арагонском языке) и называют себя арагонцами. Не испанцами и не уругвайцами.

Испания разделена на регионы, комунидад аутонома, именуемые автономными сообществами. И несмотря на то что Испания официально является унитарным государством, каждое из этих сообществ, по сути, позиционирует себя как страна в стране. Жители Испании не считают себя единой общностью, и в стране превалирует региональное самосознание. Для тех людей, которых мы привыкли называть испанцами, термин «испанец» означает лишь гражданство Испании, ничего больше.

Каждое автономное сообщество имеет свою собственную историю и свои собственные взаимоотношения, зачастую — крайне сложные, с другими комунидад аутонома. Сложности возникают еще и на почве националистических столкновений, потому что в Испании живут не только представители различных этносов, но целые отдельные народы — баски, каталонцы, галисийцы. С ними и возникает больше всего неприятностей, едва кто-то произнесет страшное для Испании слово «сепаратизм». Эускади (Страна басков), Каталония и Галисия не скрывают, что не прочь обзавестись и собственными государствами. Страна басков долгое время вела войну с остальной Испанией, прежде всего — с Мадридом, путем террористических актов, которые осуществляла организация ЭТА (Эускади та Аскатасуна, буквально — «Страна басков и свобода»). Этнический баск Биксант Лизараю, прославившийся своими выступлениями в составе

мюнхенской «Баварии» и сборной Франции, тоже страдал от ЭТА, члены которой прямо призывали футболиста поделить деньги. Вымогательства носили столь угрожающий характер, что Лизаразу провел на исторической родине, в Басконии, лишь один сезон, после чего был вынужден покинуть «Атлетик» из Бильбао. До конца спортивной карьеры Бешенте (это его настоящее баскское имя, которое чиновник во французском Сен-Жан-де-Люз отказался регистрировать) пользовался личной охраной, нанимая телохранителей.

Футбол в Испании всегда тесно переплетался с интересами коммуниста аутонома, поэтому противостояния на полях и трибунах отличаются от того, что мы привыкли видеть в других странах Западной Европы. Германия и Англия — моноэтнические государства, поэтому любое дерби для них прежде всего просто спорт. Когда «Тоттенхэм» играет против «Арсенала», мы сталкиваемся с битвой двух исторических спортивных соперников. Когда «Барса» играет против «Реала», к этому добавляются еще и сложнее отношения между Каталонией и Мадридом, кровная обида на генерала Франко, запретившего каталонскую автономию и каталанский язык. «Эль Класико» перестает быть просто спортивным событием, и этот матч смотрят не только футбольные болельщики, но и люди, совершенно не интересующиеся спортивной игрой номер один. 89-летняя старушка, которой футбол до одного места, говорит с трибун «Камп Ноу» в преддверии «Эль Класико»: «Для меня важно, чтобы «Барса» обыграла мадридскую команду, потому что Франко убил моих сыновей и моего мужа. Франко запретил мой язык. Франко запретил Каталонии быть Каталонией. А Франко болел за «Реал»...»

Диктатор Франко правил страной 36 лет, и его футбольные пристрастия, если они и имелись, точно не известны. В самой Испании считают, что Франко сначала переживал за «Атлетико», после чего стал болельщиком «Реала». Каудильо, что в переводе с испанского означает «предводитель», или «вождь», старался объединить и унифицировать испанские регионы, в результате чего больше всего страдали исторически склонные к независимости Каталония и Страна басков.

«Камп Ноу» был единственным местом в Каталонии, где не опасаясь можно было разговаривать на каталанском языке. Стадион освистывал испанский гимн и испанский флаг, зато неистовствовал, когда где-нибудь на трибунах появлялся человек, размахивающий сеньерой — каталонским стягом, на котором золотое поле пересекают четыре полосы цвета киновари.

Когда Франко захватил власть, в Стране басков готовились к вооруженному отпору. «Мы не сдались римлянам и не сдались маврам, — говорили баски. — Не сдадимся и Франко». Эускади — гористая местность, пересеченная восточными порогами Кантабрийских гор. С I в. до н.э. и до V в. н.э. Баскония подчинялась Риму, но только номинально, так как римские войска проникли лишь на небольшую территорию современной баскской провинции Алава. Когда на Пиренеях властвовали вестготы, а позже — мавры, часть территории Басконии все равно оставалась независимой, что позволило местному населению сохранить свою уникальную культуру, традиции и язык. Эускальдунак (самоназвание басков) имеют самое высокое преобладание отрицательного резус-фактора среди всех народов мира и являются единственным западноевропейским народом, который говорит на языке, не входящем в индоевропейскую семью. Их язык, эускара, в корне отличается от всех остальных языков, на которых говорят на территории Испании.

Эти языки произошли от народной латыни и посему немного сходны между собой. Например, бабле (астурийский язык) — это что-то среднее между испанским и португальским; катала, на которой говорят в Каталонии, похожа на симбиоз французского, испанского и немного итальянского; а диалект набарроарагонес, на котором изъясняется часть населения Наварры и Арагона, напоминает гасконский язык, который используют во французских Гаскони и Беарне.

С эускарой же все иначе. Язык басков изолирован, то есть он не входит ни в одну из известных языковых семей; не установлены и его генетические связи — то есть неизвестно, когда на нем начали разговаривать, откуда он появился и как это произошло. Да и о самих басках известно крайне мало, ибо они всегда жили изолированно от остальных народов. Можно сказать только, что они произошли от васконов (отсюда и название — *vasco*, «баск»), в древние времена обитавших на территории Наварры и севере Арагона. И вот этот народ в ходе Гражданской войны в Испании лишился своей святыни. Националистам, по сути — фашистам, генерала Франко оказывали помощь военные подразделения Третьего рейха. 26 апреля 1937 года немецкий «Легион Кондор» осуществил налет и бомбардировку маленького городка Герника, имевшего у басков культовый статус, поскольку в нем росло дерево Герники, под которым присягали баскские правители. Скорее всего, налет имел целью моральный подрыв басков. С тех пор в пропаганде

Эускади бомбардировка Герники используется как одна из самых трагических страниц в истории баскского народа, как один из поводов, который дает баскам право на самоопределение.

На самом деле позже было доказано, что решение о бомбардировке Герники не согласовывалось с Франко. Кроме того, дерево Герники и баскские исторические памятники, находящиеся в городе, не пострадали. Наконец, разрушение Герники вызвала даже не столь бомбардировка, сколь крайне неадекватные действия прибывших пожарных из Бильбао, которые разрушили не менее 75% всех построек. Несмотря на все вышперечисленное, баски считали генерала Франко своим первым кровным врагом, а вторым — мадридский «Реал», который всегда являлся в Испании олицетворением центральной власти.

В 1975 году Франко умер, а в каталонских магазинах кончилось шампанское. Баски тоже праздновали, сжигая на улицах чучело Франко, обычно одетое в белую футболку. А белый цвет — цвет мадридского «Реала».

Таким образом, каталонцы, галисийцы и баски ненавидели центральный Мадрид; фанаты «Валенсии» терпеть не могли «Барселону», потому что их связывала историческая область Большая Каталония, а они хотели быть валенсийцами, а не «недокаталонцами»; клубы Наварры и Арагона схватывались между собой, потому что жители этих провинций издревле вступали в рукопашную на границах своих комунидад аутонома. Войны продолжались и на футбольных полях, причем как глобальных, так и локальных размеров. Кроме того что Испания разделена на автономные сообщества, она разделена и на 52 провинции, и эти провинции тоже воевали между собой, выставляя современные армии — футбольные клубы и их болельщиков.

Со временем возникла и так называемая война городов, когда отношения между жителями двух населенных пунктов по какой-либо причине накалялись. Например, Мадрид и Барселона издревле соперничают за звание самого главного города в Испании. Мадрид — столица страны, но и Барселона — тоже, правда, не отдельного государства, а автономного сообщества Каталония. Когда «Барса» в 1992 году выиграла свой первый Кубок чемпионов, нанеся на лондонском «Уэмбли» поражение итальянской «Сампдории», каталонский Женералитет (правительство автономного сообщества) официально предложил сделать Испанию страной с двумя столицами, в Мадриде и Барселоне.

В Галисии между собой все время спорят Ла-Корунья и Виго, два портовых города. В XIV–XV вв. это была война за грузы: чтобы иметь больший, чем у соперников, грузооборот в портах, они шли на все. И со временем соперничество превратилось в настоящую ненависть, давшую нам дерби Гальего — матч между «Депортиво», представляющим Ла-Корунью, и «Сельтой», представляющей Виго.

В Севилье раньше находилось самое большое еврейское поселение в Европе. И хотя еврейский квартал был разгромлен жителями города еще несколько веков назад, команду до сих пор встречают на некоторых испанских стадионах криками: «Жи́ды! Жи́ды!» или «Убирайтесь, вы убили сына Божьего!»

И ничего ведь нельзя поделать. Потому что это — часть истории, а она для Испании священна.

Болельщицкая культура в каждом автономном сообществе развивалась по-своему, но всегда — достаточно экспрессивно. В XX веке следует выделить три бума, которые пережили испанские фанаты.

Первый из них возник в 50-х годах, когда начались первые еврокубковые баталии. Болельщики сильнейших испанских команд ездили в другие страны за своими клубами, где видели, как развивается фанатское движение «за бугром». Новые «фишки» потом демонстрировались на собственных стадионах, и с ними могли ознакомиться саппортеры тех команд, которые в Европе не играли, но принимали участие в испанском национальном первенстве. Мадридский «Реал» в полуфинале первого Кубка европейских чемпионов в сезоне 1955–56 гг. встретился с итальянским «Миланом», и испанские саппортеры, как замороженные, наблюдали в столице за организованным отрядом болельщиков апеннинской команды. Это было ново, в диковинку, и мадридистас тоже захотели иметь своеобразную мини-армию фанатов, которых легко было бы узнать по ношению знамен клуба.

В первом розыгрыше Кубка ярмарок — предтечи Кубка УЕФА, турнира, в котором участвовали города, проводящие всевозможные ярмарки, — выступала «Барселона». Турнир шел три года — с 1955-го по 1958-й. Многие участники выставляли сборную своих городов, но «Барса» к тому времени уже разменяла полвека, была командой титулованной и не хотела никакой сборной города, в которой, ко всему прочему, нашлось бы место и для парочки футболистов классового врага — «Эспаньола». Полуфинал и финал каталонцы проводили против, соответственно, «Бирмингем Сити» и сборной Лондона. В выездном полуфинальном поединке ката-

лонских болельщиков атаковали фанаты «Сити», поэтому 5 марта 1958 года сине-гранатовые саппортеры держались вместе во время поездки в Лондон (финал состоял из двух игр). Но в Лондоне все было тихо — там фанаты болели за свои отдельные клубы, а не за непонятную столичную сборную. Тем не менее в Бирмингеме каталонцы узнали, что такое «прыжок», не испугались и в повторной поездке в Англию были готовы противостоять атаке.

Это был хороший опыт.

Главное слово, которому испанцы научились в эпоху первых еврокубковых турниров, — «организация». Если ты организованно выдвигался на матч, то на тебя и твою бригаду обращали внимание; если ты находился в составе «подразделения», то тебя вряд ли могли тронуть; и никто не мог прыгнуть на болельщиков, если их было много. В принципе в 50-х и 60-х годах прошлого века в Испании стала зарождаться культура мобов, но весьма специфическая, объединявшая нескольких болельщиков лишь на время футбольных матчей. Кроме того, мини-мобы разделялись по территориальному признаку. Обычно лишь потому, что ездить на футбольные матчи в таком случае было удобнее. Например, пять-шесть человек из мадридского пригорода Хетафе выдвигались на «Сантьяго Бернабеу» вместе, вместе саппортили любимую команду и вместе же возвращались назад.

Болельщиков в стране стали называть «инчас» (собственно, *hincha* и расшифровывается как «болельщик»), термином, который был введен в Уругвае в начале XX века. Не было песен и трибунной хореографии (пока не было), но футбол пользовался в Испании громадной, бешеной, сногшибательной популярностью, и трибуны всегда заполнялись — как болельщиками-одиночками, так и мини-мобами. Большим клубам приходилось специально строить новые стадионы, чтобы спортивные арены могли вместить всех желающих посмотреть футбольный матч. Мадридский «Реал» еще в 1947 году сменил пятнадцатитысячный «Чамартин» на огромный «Нуэво Эстадио Чамартин», в настоящее время известный как «Сантьяго Бернабеу». Десятью годами позже «Барселона» покинула «Лес Кортс», вмещавший по тем временам грандиозные 60 тысяч человек, чтобы переехать на новенький и еще более вместительный «Камп Ноу».

Интересно, что новые стадионы грандов строились недалеко от старых арен, то есть и в Мадриде, и в Барселоне была определенная территория, которая ассоциировалась только с местными футбольными клубами. Позже пиренейские гранды полностью

выкупили землю вокруг своих арен и строили новые сооружения, воздвигая таким образом съютат депортива — спортивные городки. В настоящее время столичный район Чамартин воспринимается как своеобразная футбольная территория мадридского «Реала», так же как и в Барселоне район Лес Кортс, позиционируется как исключительное и священное место «Барсы».

Консолидации футбольных фанатов способствовало и развитие общей инфраструктуры, касающейся размещения болельщиков на стадионах. На финалы Кубка Испании клубам выделяли по одинаковому количеству билетов для распространения среди своих саппортеров, и инчас разных клубов рассаживались по разным секторам. В чемпионате Испании подобного распределения долгое время не было, но в конце концов его тоже ввели. Поклонники разных клубов теперь сидели на разных трибунах, что исключало между ними прямой контакт, могущий привести к конфликтным ситуациям.

Второй болельщицкий бум в Испании наступил в середине 70-х годов и был связан с итогами контркультурной революции, начавшейся в 1968 году «Красным маем» во Франции, а затем охватившей весь континент. Контркультурная революция дала множество новых течений и отдельных молодежных субкультур, и старушка Европа ужаснулась, увидев чудовищного монстра, которого произвела на свет. Улицы заполняли моды, лэды, скинхеды, казуалы, хиппи — носители новой волны, привыкшие к перманентному андеграунду, они теперь стали главными героями дня.

Кроме того, в 1975 году в стране скончался каудильо Франсиско Франко, и ветер свободы почувствовала не только молодежь, всю пожинавшая итоги контркультурной революции, но и взрослое поколение испанцев. Король страны Хуан Карлос I де Бурбон принял Закон о политической реформе, который положил окончательный конец франкизму. Начали деятельность учредительные кортесы, состоящие из Конгресса депутатов и сената. Кортесы занимались новой конституцией, конституцией, которая обеспечила бы права и свободы каждому гражданину. Она была принята в 1978 году, провозглашала Испанию социальным, демократическим, правовым государством с политическим строем в форме парламентской монархии; официально утверждала границы автономных сообществ и наделяла их достаточно широким спектром прав.

Еще до принятия конституции-1978 было ясно, что страна вступает в новый этап своего развития, шагает новой дорогой. Ис-

пания была одурманена перспективами, которые разворачивались перед ней после смерти Франко. Хуан Карлос I де Бурбон и кортесы налаживали связи во внешней политике, так как во время правления фашиствующего каудильо пиренейская страна считалась персоной нон-грата среди некоторых государств, в основном представляющих социалистический блок.

Вся эта свобода, ментальное опьянение, новые движения — все это хлынуло на улицы и стадионы. В 70-х годах по всей стране проходила новая волна футбольного саппорта, иногда принимавшая самые изощренные и невиданные формы. Болельщики изгалялись друг перед другом как могли. Раньше им ничего нельзя было на стадионе, теперь — можно все. Диктор «Камп Ноу» говорил на каталанском — к полному восторгу собравшейся публики; скинхеды приходили на «Сантьяго Бернабеу», пугая респектабельную публику столичного стадиона; недалеко от города Пальма, главного на Балеарских островах, образовалась коммуна хиппи (она существует и до сих пор, только поменяла дислокацию, перебравшись на Эвису, известную в странах СНГ под своим неверным наименованием «Ибица»), все время посещавшая местный эстадио; в автономных сообществах начинался подъем регионального самосознания.

В Европе английские, немецкие и голландские траблмейкеры открывали для себя культуру «хуллз», делая посещение стадионов опасным занятием как для болельщиков-одиночек, так и для неподготовленных к силовому противодействию мобов. В самой Испании обходилось без насилия, исключая локальные столкновения между мобами двух различных клубов, но эти столкновения происходили все чаще и чаще.

Когда прошло шесть лет с тех пор, как представитель атеистического экзистенциализма Жан-Поль Сартр шагнул в Сорбонну к бунтующим французским студентам, мадридский «Атлетико» вышел в финал Кубка европейских чемпионов и в Брюсселе, на стадионе «Эйзель» (эта арена в 1985 году станет кладбищем для 39 человек после атаки фанатов «Ливерпуля» на саппорт «Ювентуса» и обрушившегося кирпичного барьера в результате панического бегства итальянских тифози), встречался с «Баварией», переживающей свою золотую эпоху. Перед игрой испанцы познали крепость немецких кулаков, но и сами были не робкого десятка — так вот, не имея еще своей фирмы, фанаты «матрасников» прошли боевое крещение.

В 1977 году баскский «Атлетик» вышел в двухматчевый финал Кубка УЕФА, где ему предстояла встреча с итальянским «Ювентусом». Болельщики из Эускади отправились на первую встречу,

которая проходила на выезде, туринском Олимпийском стадионе, но были разочарованы встречей с фанатами «Старой Синьоры», потому что не узнали от них ничего нового, да и вообще — итальянский саппорт их не впечатлил. Не всем баскским болельщикам было известно, что в Турине первой командой всегда был «Торино», а «Юве», сколько бы трофеев ни выиграл, вечно оказывался в родном городе только вторым...

Движ 70-х, как и все новое, привлек множество молодежи как к футболу в целом, так и к страте футбольных фанатов. Не все из них остались преданными бойцами своих родных цветов — многие как приходили, так и уходили. Главный итог болельщицкого бума 70-х — образование крепкого саппорт-костяка вокруг команды. То есть больших фирм еще не было (вернее, уже была севильская *Biris Norte*, появившаяся в 1976 году и некоторое время совершавшая одиночное плавание), но уже были люди, готовые их создать. Уже были люди, постоянно появляющиеся на стадионе, поющие песни, плачущие под клубные гимны, размахивающие флагами, всегда поддерживающие свою команду. Не хватало лишь самой малости.

Третий болельщицкий бум XX века начался в Испании в 1982 году. Страна впервые в своей истории готовилась принять мундиаль, величайшее событие в мире футбола. Галисийские Виго и Ла-Корунья встречали группу А, в которой сошлись Италия (будущий чемпион мира), Польша, Камерун и Перу. За ходом событий в группе В следили астурийские Хихон и Овьедо, познавая футбол в исполнении сборных ФРГ, Австрии, Алжира и Чили. Третья группа (Бельгия, Аргентина, Венгрия, Сальвадор) дислоцировалась в каталонской Барселоне и валенсийских Эльче и Аликанте. Группа D, состоящая из команд Англии, Франции, Чехословакии и Кувейта, играла в Стране басков (Бильбао), Кастилии и Леоне (Вальядолид). Пятый квартет выступал в Арагоне (Сарагоса) и автономном сообществе Валенсия (Валенсия), будучи представлен бездарной хозяйкой турнира сборной Испании, а также командам Северной Ирландии, Югославии и Гондураса. Шестая группа, в которую входили Бразилия, СССР, Шотландия и Новая Зеландия, сосредоточилась в андалузских Севилье и Малаге. По ходу плей-офф ко всем представленным городам присоединился и Мадрид.

Испанские болельщики воочию лицезрели фанатов со всего мира. В Галисии увидели итальянских тифози с их выдающейся трибунной кореографией — и с тех пор фирмы галисийских команд всегда славились этим элементом перформанса. В Бильбао пьяные

англичане бились с французами, а также всячески старались разрушить город и предпочитали мочиться в общественных местах, как было написано в местных, чрезвычайно пропагандистских и националистических газетах, «прямо перед беременными женщинами». «Бульдогов», фанатов сборной Англии, в Бильбао невзлюбили и при удобном случае даже аккуратно били, однако весь саппорт «Атлетика» с тех пор зиждется на английском стиле поддержки.

Вообще, превалирующее количество больших испанских фирм, доживших до наших дней, образовались либо в 1982 году, либо годом позже — таким образом, чемпионат мира по футболу дал фанатскому движению мощнейший импульс развития. В том числе и в плане насилия. Появились фирмы, открыто искавшие конфликтов с фестлайном вражеских клубов — таковой, например, стала знаменитая барселонская *Voixos Nois*, название которой («Сумасшедшие парни») полностью соответствовало ее привычкам, образу жизни и мировоззрению.

Как страна полиэтническая, сосредоточившая большие силы в регионах, Испания явила Европе множество левых, с политической точки зрения, фанатских объединений. Это нехарактерно для континента, на трибунах которого превалирующую роль всегда играли фанатские объединения правого толка. В Мадриде многие люди чтит и по сей день чтят Франко, поэтому команды города представлены правыми или откровенно фашистскими бригадами, на такой же путь встали болельщики «Сарагось», «Эспаньола» и «Бетиса» — вот, пожалуй, и все самые яркие представители правого движения.

Вся остальная Испания объявляла войну против расизма, фашизма и мадридизма и становилась на левые рельсы. Появилась даже специализированная коалиция «Антимадридиста», основанная бригадами Каталонии, Страны басков и Галисии. Плакат «Антимадридиста» вывешивался на многих выездных поединках мадридского «Реала». Популярны стали и баннеры, прославляющие свой регион, например: «Наварра — это королевство!» в Памплоне и «Каталония — не Испания!» в Барселоне.

Золотое время для футбольного фанатизма Европы — конец 80-х и 90-е — стало золотым и для испанских фирм, которые поднимали свой авторитет в старом свете в основном благодаря акциям траблмейкеров из *Voixos Nois* («Барселона»), *Ultras Sur* (мадридский «Реал») и *Frente Atletico* («Атлетико»).

Со временем и им, конечно, предстояло уйти в подполье, а на секторе заниматься только саппортом в стиле «ультрас». Но это

произойдет потом, в нулевые, когда Евросоюз захлестнет мода на мультикультуральность и политкорректность; когда на стадионах будут установлены камеры слежения; когда полицейские будут вести охоту на «генералов» больших фирм; когда люди, стоявшие в авангарде старых фанатских объединений, станут новым авангардом, только теперь уже в черных списках, запрещающих посещение стадионов под любым предлогом.

Но это будет потом.

А пока, в свободные 80-е и лихие 90-е, фирмы жили на широкую ногу. Иногда даже перед играми Терсеры «забивались» маленькие мобы, старающиеся выяснить отношения между собой в пусть кратковременном, пусть малочисленном, но все же бою. Убийства болельщиков и прочие трагедии в Испании происходили редко, так как в этой стране всегда была слабо развита культура выездов (причем считается, что за границу на еврокубок можно и сгонять за свою команду, а вот матч национального первенства лучше посмотреть по телевизору). Страшно подумать, какие бы грандиозные войны велись между барселонской *Voixos Nois* и мадридской *Ultras Sur*, если бы представители этих зондеркоманд приезжали друг к другу в гости на каждое *El Clasico*. Они, конечно, приезжали. Но редко — составом.

Большие фирмы организовывали в других городах свои филиалы, так называемые пеньи, заменявшие центровых парней, в том числе и в фанатских войнах «на местах». Особым шиком считалась организация пеньи во вражеском городе. *Ultras Sur*, допустим, имели крупный филиал в Барселоне — правда, впоследствии каталонцы вычислили затаившегося на их территории врага и искоренили его силовым методом. Силовым настолько, что были задействованы кареты скорой помощи и местные отделения больниц. У самих *Voixos Nois* самая большая пенья находится в Валенсии и ведет себя под стать основной фирме, то есть очень агрессивно и довольно безбашенно.

Будучи еще недавно на задворках европейского футбольного хулиганства, испанцы не стали в нем лидерами, но заняли достойную нишу. «Славные парни», — говорили про них английские траблмейкеры, стирая кровь с кулаков после схваток с фанатами «Барселонь», «Реала» и «Атлетико».

Если с клубной поддержкой все было хорошо, то вставал следующий вопрос: как быть с поддержкой национальной сборной в стране, которая не считает себя единой и разделена на автономные сообщества, где каждый народ и каждый этнос — сам по себе?

Дерби «Красной фурии»

Свой первый официальный матч сборная Испании по футболу сыграла 28 августа 1920 года в рамках Олимпийских игр в Антверпене, победив в Брюсселе сборную Дании со счетом 1:0. Национальная сборная не пользовалась особенной популярностью у зрителей, а футбольный турнир, на котором команда взяла серебро, посетил всего лишь один испанский журналист — Мануэль Кастро Андикап.

Ничейная «Фурия»

Прозвище *Furia Roja* («Красная фурия») тоже родилось на этих первых для испанских футболистов Олимпийских играх. Проигрывая со счетом 0:1 сборной Швеции после первого тайма, испанцы продемонстрировали во второй половине игры выдающуюся волю к победе. Надо сказать, что основу национальной сборной составляли баски — мало того что они являлись на тот момент сильнейшими футболистами в стране, да еще и обладали несгибаемым характером, напоминающим даже не какую-либо футбольную Германию, а скорее хоккейную Канаду. Собравшись, испанцы осадили ворота соперника, причем играли с таким воодушевлением, что скандинавы почти не покидали свою половину поля. На 51-й минуте огромный (193 см — рост, 95 кг — вес) баск Хосе Мария Белаустегигойтия Ландалусе, для удобства называемый в самой Испании просто Хосе Марией Белаусте, буквально занес мяч в ворота шведов... грудью. Причем это был не удар и не отскок: мяч словно приклеился к груди капитана испанской команды — и так, с приклеенным к груди главным атрибутом игры, Белаусте и вошел за «ленточку». Вернее, ворвался.

Испанцы выиграли встречу 2:1, и все были восхищены действиями пиренейской команды, которая играла, как говорили, в «гневливый» футбол. Одна из голландских газет вышла на следующий день с шапкой «Испанский гнев» (*Furia Espanola*), проведя параллели между голом Белаусте и ограблением испанскими вооруженными формированиями города Антверпена в 1556 году — тогда Фландрия была включена в состав испанской короны.

Баскский же футболист до конца карьеры носил прозвище «Антверпенский лев». Именно такую надпись выбьют 44 года спустя на могиле Хосе Марии Белаустегигойтии Ландалусе в Мехико, куда он бежал от диктатуры Франко и где скончался от рака легких в возрасте 75 лет.

Сам термин «*furia*», означающий «гнев», позаимствовали из древнеримской мифологии, в которой фурии считались богинями мести.

Постепенно прозвище «Фурия Эспаньола» поменялось на более краткое «Фурия Роха», так как основным цветом испанской национальной сборной был красный (*roja*). Сборную страны называют либо «Красная фурия»; либо просто «Красная» в значении «Красная команда», «Команда красного цвета»; либо просто «Фурия». По аналогии молодежные и юниорские сборные получили название «Рохита», буквально — «Красненькая».

Самым тяжелым для Королевской федерации футбола Испании было уговорить футболистов выступать за национальную сборную страны. Они не понимали, зачем им играть под испанским флагом, если они считают себя не испанцами, а астурийцами, андалусийцами, галисийцами. Федерация обещала отличные премиальные (в ту эпоху спорт еще не был профессиональным), проводила в автономных сообществах PR-кампании по популяризации национальной сборной. Болельщиком внушалось, что играть за национал — это высшая честь, и если побеждает сборная Испании, то побеждает и каждое автономное сообщество. В конце концов за «Фурию» начинали болеть, поддерживая сначала каждый своих: каталонцы выискивали в составе национала игроков своей национальности, баски — своей. Таким образом, национальная сборная постепенно становилась привычным объектом для саппорта: вторым по важности после своего клуба. Проблемой сначала являлись сборные автономных сообществ, которые выступают до сих пор, играя по паре матчей в год (сборная Каталонии так сильна, что обыгрывает первый состав аргентинской команды). Но с течением времени сборные автономных сообществ отходили на второй план, так как не участвовали в официальных соревнованиях — там играла «Фурия Роха». Однако все же встречи сборной Испании старались не проводить в проблемных регионах, редко отпуская команду в Каталонию, Страну басков или Галисию.

Во время Олимпийских игр 1992 года в Барселоне по этому поводу едва не возник скандал. Каталонская публика на церемонии открытия игр особенно тепло приветствовала делегации новообразованных государств, таких как Эстония, Латвия, Литва, Хорватия,

Словения, Босния и Герцеговина; а организаторами всячески подчеркивалось, что игры проводятся не в Испании, а в Каталонии. Футбольную олимпийскую команду Испании держали как можно дальше от Барселоны, и все свои игры «Фурия Рохита Олимпика» проводила на валенсийском стадионе «Луис Казанова». Но пришло время финала — он должен был состояться в кратере «Камп Ноу». Испанская сборная играла на этой арене только пять раз в своей истории, лишь однажды после смерти Франко, и праздновала в пяти поединках успех единожды, ни разу не увидев полных трибун и никогда не получая заслуживающей поддержки болельщиков. Страх перед «Камп Ноу» был настолько велик, что финал даже хотели перенести в Валенсию, так как в Барселоне могли быть провокации, пустые трибуны, освистывание испанского гимна и знаменитый баннер «Каталония — не Испания!» За несколько дней до решающего поединка в футбольном турнире организаторы игр попросили поддержки у каталонского Женералитета, правительства автономного сообщества. Женералитет, опасаясь скандала, который мог опорочить барселонские игры, пошел навстречу, запустив кампанию поддержки «Красной фурии» в каталонских СМИ. Указывалось, что впервые каталонцы могут стать олимпийскими чемпионами по футболу и нужно их поддержать. 8 августа 1992 года «Камп Ноу» в составе 95 тысяч человек наблюдал за матчем Испания — Польша, овацией встречая футболистов «Барселонь» Альберта Феррера, Хосепа Гвардиолу, Антонио Пинилью. Большую роль играло и то обстоятельство, что олимпийскую сборную представлял Ладислао Кубала, легендарный мадьярский нападающий «Барсь», в 2000 году признанный лучшим футболистом в ее истории. Испания одержала ремонтную, волевою победу над польской командой со счетом 3:2.

Скандалов не было.

Но и в дальнейшем команда Испании старалась не выступать в проблемных автономных сообществах, проводя матчи в провинциях, не славившихся своим сепаратизмом и перманентной тягой к независимости. Самый культовый стадион для «Красной фурии» — севильский «Рамон Санчес Писхуан», который сборная Испании считает счастливым и на котором проводит самые ответственные и сложные игры. Баланс ее встреч на этом эстадио: 21 матч, 16 побед и 5 ничьих.

Горячо нелюбимые соседи

Главными историческими соперниками «Красной фурии» сначала стали, как водится, ближайшие соседи — Франция и Португалия. Так практически всегда бывает в футболе, потому что именно с сосе-

дями у тебя больше всего объединяющих факторов и в то же время водой тебя заливают тоже они. В общем, отношения долгие и сложные. При определенных исторических пертурбациях Страна басков, Наварра и Каталония сейчас были бы включены в состав Франции, а Галисия была бы территорией Португалии.

Не существует ни одной сборной, с коей «Красная фурия» встречалась чаще, чем с португальцами. Последние победили лишь трижды, зато — в том числе и на домашнем континентальном первенстве в 2004 году. Поражение от бесчинствующих соседей стало единственным для «Красной фурии» на том чемпионате Европы, но именно трагический гол Нуну Гомеша не позволил испанской сборной выйти из группы в плей-офф. Этот эпизод вывел испанцев из себя, поскольку португальцы всегда позиционировались ими как безобидные, глуповатые меньшие братья. В дальнейшем пути по турнирной сетке испанцы желали поражения сборной Португалии и были вознаграждены в финале турнира, когда соседи сенсационно уступили дерзкому выскочке — сборной Греции. «Стрикер» (человек, выбегающий на поле) Хауме Маркет-и-Кот по прозвищу Джимми Джамп (буквально — Попрыгун Джимми) выбежал на газон, чтобы метнуть в лицо Луишу Фигу, главной португальской надежде, флаг «Барселонь». Дело в том, что Фигу несколько лет назад перебрался из «Барселонь», за которую болеет Джимми Джамп, в мадридский «Реал», став тем самым человеком, что в Испании получает прозвище иуда. Выбегание Джимми Джампа вывело из равновесия Луиша Фигу. Испания ликовала.

После этого матча в Сети появилась шутливая пародия на рекламу фирмы Master Card: «Входной билет на финал — 60 евро. Флаг «Барселонь» — 12 евро. Барретина (каталонская национальная шапочка) — 4 евро. Бросить флаг «Барселонь» в лицо Фигу в тот день, когда он проиграл Кубок Европы... бесценно. Для всего остального есть Master Card».

Мечь — блюдо, которое лучше всего есть холодным, и «Красная фурия» ждала целых шесть лет, чтобы нанести португальцам разящий удар прямо в сердце.

29 июня 2010 года в южноафриканском Кейптауне в стадии 1/8 финала сборная Испании обыграла португальцев со счетом 1:0 за счет единственного гола Давида Вильи. На следующий день самым просматриваемым файлом на YouTube в Испании стали кадры, снятые после финального свистка, демонстрирующие всем любопытствующим злобное лицо лидера португальской команды Криштиану Роналду. Испанские комментарии были глумливыми.

Со сборной Франции, как с соседствующей футбольной державой, тоже было сыграно множество товарищеских матчей. Но в группе А во время отборочного цикла к чемпионату Европы 1992 года судьба-злодейка столкнула вместе команды Испании и Франции. Французский футбол в ту пору находился на подъеме. «Марсель» выходил в финал Кубка европейских чемпионов (1991) и впоследствии выигрывал турнир (1993), а сборная страны обладала такими великолепными мастерами, как защитники Лоран Блан, Базиль Боли и Жослен Англома; полузащитники Эммануэль Пети, Дидье Дешам, Франк Созе и Луис Фернандес; нападающие Жан-Пьер Папен и Эрик Кантона. Синие (прозвище французов) считались одной из сильнейших команд в мире, а неистового Жан-Пьера Папена называли лучшим форвардом эпохи. Первый матч, проходивший в Париже, испанцы проиграли 1:3, причем первыми открыли счет благодаря голу маленького баска Хосе Марии Бакеро.

Зная, что в «ответке» предстоит битва насмерть, «Фурия», озабоченная сменой поколений, решила провести игру на своем счастливом стадионе «Рамон Санчес Писхуан». Но совершенно неожиданно у арены-талисмана выявились проблемы с газоном. Тогда матч было решено провести тоже в Севилье, но на другом стадионе — «Бенито Вильямарин».

12 октября 1991 года Испания получила последний шанс зацепиться за путевку на Евро. Футболисты «Красной фурии» чувствовали громадный груз ответственности и элементарно перегорели, пропустив два мяча уже к 15-й минуте. Защитник Абелардо Фернандес сумел забить гол престижа, но это было все, на что хватило испанцев. На чемпионат Европы–1992 они не попали. Пресса обрушилась на национальную команду, называя футболистов позором страны. Нашлись и другие газеты, которые писали, что «Фурия» пропустила вперед будущих континентальных чемпионов. Но на чемпионате Европы французы сенсационно не вышли из группы.

На чемпионате Европы 1996 года, который проходил в Англии, «Фурия» снова угодила в одну группу с французами, которых в стране уже откровенно не любили и называли «лягушатниками». Перед матчем испанские карикатуристы нарисовали множество злобных шаржей, посвященных синим, а пиренейские фанаты в Лидсе атаковали оппонентов. Схватка саппортеров завершилась боевой ничьей, так как воинствующих поклонников разняли многие знающие о футбольном хулиганстве английские полицейские.

Матч завершился ничьей 1:1, и обе команды вышли из группы в плей-офф. В 1/4 финала Испанию остановила Англия с помощью

дружелюбного к хозяевам турнира арбитра и серии пенальти. Французов выключили из игры чехи — и тоже в серии пенальти.

На чемпионате Европы–2000 и чемпионате мира–2006 команды сталкивались, соответственно, на стадии 1/4 финала и 1/8 финала, и в обоих случаях дальше проходили синие. Болельщики сборную Франции уже попросту терпеть не могли, считая ее командой, постоянно перекрывающей путь испанскому националу. В то же время в «товарах» «Красная фурия» имеет довольно ощутимое преимущество в победах над северными соседями.

Большие фирмы обычно не посещают матчей национальной сборной, поскольку самым важным и зачастую единственным для них объектом саппорта представляется клуб; либо посещают, но с целью просто посмотреть футбол, а не поучаствовать в атаке на фанатов соперников. Испанский «общак», то есть масса болельщиков, переживающих за национальную сборную и едущих на ее матчи, не состоит из фирмачей — это обыкновенные поклонники. Однако они, будучи разгоряченными алкогольными напитками, футбольной средой большого действия и присутствием многочисленных единомышленников, готовы ринуться в бой, особенно если на соседнем секторе сидят ненавистные французы. Так было, например, в ноябре 2007 года, когда Испания и Франция играли товарищеский матч в Малаге. Ничто не предвещало беды, если бы не парочка продуктов, которыми Малага в принципе и славится — пиво и анчоусы. Пьяные фанаты синих перед игрой начали нелюбезно отзываться о «Красной фурии» и вспоминать о победах над ней в различных турнирах. Большая группа испанских болельщиков, поглощавших пиво и анчоусы буквально в соседнем питейном заведении, ринулась в атаку. Гостей Испании спасло только своевременное вмешательство полиции.

Ненависть к французам охватывала официальные лица и даже вполне себе уважаемых людей. Перед тем самым матчем в Малаге главный тренер «Красной фурии» Луис Арагонес, давая установку на игру своей команде, назвал лидера синих Тьерри Анри «чернозодой макакой». К ужасу политкорректно настроенных телезрителей, это произошло во время открытой тренировки сборной Испании, поэтому мысль «мистера», облаченную в конкретные и достаточно грубые слова, услышал каждый страждущий.

Дело осложнялось еще двумя факторами. Во-первых, в Испании вообще и в испанском футболе в частности в то время проходила широкомасштабная борьба против расизма. Во-вторых, Тьерри Анри возглавлял организацию, в которой состояли чернокожие футболисты — тоже, в свою очередь, ведущие войну с расизмом.

В итоге вышел жуткий скандал и Луису Арагонесу с видимой неохотой пришлось принести извинения, а Тьерри Анри — тоже с видимой неохотой — их принять.

Злосчастный матч в Малаге, кстати, испанцы выиграли со счетом 1:0 благодаря голу флангового защитника Жоана Капдевилы.

Битые и переломанные Италией

Но самые сложные отношения у испанского национала сложились все-таки не с ближайшими соседями, а со «Скуадрой Адзуррой», сборной Италии. Первый серьезный инцидент возник во время Олимпийских игр в Амстердаме в 1928 году, когда итальянцы одержали неожиданно крупную победу над «Фурией» со счетом 7:1. Это была переигровка 1/4 финала, так как первый матч завершился вничью 1:1 и футболисты сборной Италии показали себя самыми настоящими животными, беспрестанно атакуя испанцев с целью нанести игрокам травмы. Сенсационный результат в переигровке связан, скорее всего, с тем, что фашист Бенито Муссолини, в 1928 году официально возглавлявший Совет министров Италии, поставил перед «Скуадрой Адзуррой» задачу выиграть Олимпийские игры любой ценой. А Муссолини в Европе уже боялись.

Но то, что произошло на втором чемпионате мира, вообще выходит за все рамки добра и зла. Мундиаль проходил в Италии в 1934 году, а Бенито Муссолини, футбольный фанат, лично посещал матчи своей сборной.

«Красная фурия» тогда обладала призывом, который в стране называли *Unica* (уникальная, единственная в своем роде). Эта команда, в частности, одержала самую крупную победу в истории пиренейского национала, победив болгар со счетом 13:0 за год до старта мундиала. Ворота испанской сборной защищал легендарный Рикардо Самора, один из лучших голкиперов в истории футбола. О невероятном уровне его таланта говорило прозвище, которым его наградили в Испании, — *El Divino* (Божественный). Полевые футболисты были тоже очень сильны, но даже на общем фоне выделялись потрясающие баскские мастера, величайшие форварды своего времени Исидро «Танк» Лангара, Гильермо «Красная пуля» Горостиса, Хосе «Стакан» Ирарагорри и Луис «Косуля» Регейро. В квалификационном раунде, соответствовавшем 1/8 финала, «Красная фурия» победила одного из фаворитов турнира — сборную Бразилии, в составе которой сверкал «Черный бриллиант», нападающий Леонидас. Дубль Лангары и взятие ворот Ирарагорри обеспечили испанцам преимущество в три мяча уже к исходу первого получаса поединка. Во вто-

ром тайме Леонидас отквитал один гол, и все, дальше по сетке шагнула сборная Испании. В четвертьфинале ей предстояло столкнуться с хозяевами мундиала, «Скуадрой Адзуррой».

31 мая во Флоренции «Красная фурия» имела большое преимущество. Итальянцы отвечали откровенной грубостью при полном попустительстве главного арбитра, бельгийца Луи Андре Баэра. Рикардо Самора проводил прекрасный матч, и итальянцы сумели отыграться, только нанеся тяжелую травму Божественному. Несмотря на практически нерабочую руку, Самора отстоял до самого конца, сыграв и в дополнительное время, — замены правилами не разрешались.

Переигровка была назначена... на следующий день. У «Фурии» практически все футболисты, игравшие накануне, лежали в лазарете с травмами различной степени тяжести после грубейших приемов итальянцев. 1 июля на поле не смогли выйти: голкипер Самора, защитник Сириако, полузащитник Лафуэнте, нападающие Ирарагорри, Лангара, Феде и Горостиса. Сборная Испании не досчиталась семерых футболистов основного состава!

В переигровке «Фурию» начали ломать с первых же минут, а Джузеппе Меацца забил быстрый гол с нарушением правил. Несмотря ни на что, испанцы вскоре заперли соперника на его половине поля и ответили двумя голами... ни один из которых не засчитал швейцарский арбитр Рене Мерсе. Хозяева чемпионата мира, поддерживаемые Бенито Муссолини, должны были выиграть турнир! Они его и выиграли, с помощью судьи пройдя в полуфинал.

Швейцарская федерация футбола после этой игры пожизненно дисквалифицировала главного судью Рене Мерсе.

Вскоре в Испании началась Гражданская война и «Красная фурия» перестала существовать.

Отношения между федерациями Испании и Италии разладились — они старались не играть друг с другом даже товарищеские матчи. Судите сами: один «товар» в сороковых, один «товар» в пятидесятых, один «товар» в шестидесятых. Отголосок тех двух скандальных матчей на втором мундиале оказался слишком сильным.

И более того — «Фурия» в нагрузку получила боязнь четвертьфиналов.

Ужас одной четвертой

...Цифры «один» и «четыре», написанные через дробную галочку, провоцировали в Испании самый настоящий ужас. Они вызвали боль и страдание всей нации, потому что это было проклятие.

Это — четвертьфинал.

Если есть в мире что-то хуже четвертьфинала, то об этом в Испании никому ничего не было известно. Четвертьфинал означает только одно — смерть «Красной фурии». Трагический и бесповоротный, и совершенно необратимый. Испания будет иметь преимущество, будет контролировать ход игры, атаковать весь матч, но никогда не выиграет. Ей помешают штанги и перекладины, лучшие футболисты не забьют пенальти, в ворота соперников не назначат самый откровенный одиннадцатиметровый из всех возможных. И Испания пропустит решающий гол на пятой добавленной минуте, из явного положения «вне игры», и вдобавок он будет забит рукой...

Следующий четвертьфинальный поединок против итальянцев на мундиале состоялся в 1994 году на чемпионате мира в США. Испанцы прошли дальше со второго места в группе С, пропустив вперед Германию и опередив команды Южной Кореи и Боливии. В 1/8 финала «Фурия» ненавязчиво разорвала команду Швейцарии со счетом 3:0, своеобразным образом передав кармический привет потомкам швейцарского арбитра Рене Мерсе.

Итальянцы же проводили турнир слабо: они вползли в стадию 1/8 финала с третьего места в своей группе, а в первом раунде плей-офф вырвали победу у Нигерии лишь в дополнительное время.

В противоборстве с испанцами футболисты с Апеннин открыли счет, но во втором тайме «Фурия» отыгралась и начала давить, зажимая соперника на его половине поля. Луиса Энрике на 64-й минуте сбили в штрафной, но свисток арбитра молчал. За две минуты до истечения основного времени матча Роберто Баджо забил второй гол в ворота Субисарреты, и испанцы всей командой бросились на отчаянный последний штурм. На четвертой добавленной минуте итальянский защитник Мауро Тассотти в верховом единоборстве ударом локтя разбил нос в собственной штрафной Луису Энрике. Это видел весь мир, как и кровь, заливающую футболку испанского нападающего... но только не главный судья, венгр Шандор Пул. Тассотти дисквалифицировали на восемь игр, а Испания опять остановилась на смертельной для себя стадии.

Луис Энрике пообещал при следующей встрече откусить Тассотти нос.

Но после драки кулаками не машут.

В 1996-м, 2000-м и 2002-м испанцы на крупных мировых и континентальных форумах — то есть чемпионатах мира и Европы — не могли пройти четвертьфинальную стадию.

Час истины наступил на чемпионате Европы—2008. «Фурия» прошла в 1/4, и там ее ждала ненавистная Италия. Одна из испанских спортивных газет перед матчем вышла с огромной шапкой: «Ну, давайте уже что-нибудь выиграем!» В этой умоляющей просьбе, адресованной к национальной сборной, было что-то детское и что-то трогательное. Ведь когда все против тебя и верить уже не во что, остается надеяться только на чудо. А если оно произойдет, не надо искать в нем рационального зерна.

Сборная Испании 24 года не пробивалась в полуфинал крупных международных турниров. Но 22 июня 2008 года «Красная фурия» взглянула в лицо своему страху. И вошла в полуфинал.

22 июня — вообще несчастливый для испанцев день. В 1986-м, 1996-м и 2002-м годах испанцы уступали в четвертьфиналах чемпионата мира и чемпионата Европы, соответственно, бельгийцам, англичанам и команде Южной Кореи.

В то же время «Скуадра Адзурра» являлась для «Фурии» самым неудобным соперником на уровне сборных: в первый и последний раз сборная Испании обыгрывала команду Италии в официальных матчах 88 лет назад. Вдумайтесь в эту цифру. Существовало целое поколение испанцев, которые прожили всю свою жизнь и никогда не видели победу «Фурии» над итальянцами. Никогда.

Луис Арагонес делал из стартового состава своей команды целую загадку, недвусмысленно обещая громадные сюрпризы. Естественно, никто ему не поверил.

Испания вышла в своем оптимальном составе, который за день до игры угадали все ведущие европейские издания. Роберто Донадони, итальянский тренер, насытил центр поля — чего от него тоже ожидали. Само собой, это делалось для того, чтобы связать руки креативным испанским полузащитникам в лице Хави, Иньесты и Сильвы. Нельзя сказать, что замысел Донадони удался до конца. Еще в первом тайме Херберт Фандель не назначил стопроцентный пенальти в ворота Джанлуиджи Буффона, да и вообще испанцы имели моменты. Из игры «Красной фурии» несколько выпадала фигурка блондинистого форварда Фернандо Торреса, который сумел справиться с внутренним волнением лишь к концу первой сорокапятиминутки. Зато его партнер по нападению Давид Вилья при поддержке одноклубника Давида Сильвы (оба Давида тогда защищали цвета «Валенсии») феерил что было мочи. Единственное, чего не хватало испанцам, — так это командной скорости. Традиционный короткий национальный перепас в середине поля зачастую тормозил развитие перспективных атак.

Во втором тайме Испания не изменила себе. Фабрегас и Сан-ти Касорла заменили барселонскую связку Хави — Иньеста, но на стиль игры это никак не повлияло. У «Скуадры Адзурры» прибавилось активности с выходом на поле живчика аргентинского происхождения — Мауро Каморанези. Он имел и самый реальный момент для взятия ворот Икера Касильяса, и благодаря ему же итальянцы начали показывать нечто похожее на прессинг в середине поля.

Когда мяч во втором тайме заметался по штрафной «Фурии» и оказался у Каморанези, то казалось, что гола не избежать. Итальянцам, как известно, нужен только один полумoment, чтобы решить исход поединка в свою пользу. Полузащитник «Скуадры Адзурры» бил практически в упор, в противоход смещающемуся Касильясу. Но вратарь испанцев, продемонстрировав невероятную координацию, выбил мяч ногой.

Это был самый реальный момент для взятия ворот в матче. Испанцы больше атаковали, но такого убийственного момента у них не было. Самую большую опасность «Фурия» таила в выстрелах со средней дистанции. Сенна дважды от души приложился к мячу, но два сейва Буффона (во втором случае «соавтором» спасения стала еще и штанга ворот) нивелировали опасность.

В целом испанская команда выглядела лучше подопечных Роберто Донадони.

Но потом наступила серия пенальти и опять вспомнилось про испанское проклятие четвертьфинала. На календаре стояла страшная дата — 22 июня. В этот день испанцы четырежды проигрывали четвертьфиналы. И все — по пенальти.

Во время пробития 11-метровых, при счете 3:2 в пользу испанцев, Гуиса не забил пенальти, и в этот момент крупным планом показали лицо Икера Касильяса. Вратарь огорченно опустил глаза вниз, но тут же поднялся, чтобы занять место в воротах. Ему надо было спасти свою команду. И он спас, дважды отбивая мячи после ударов итальянцев. А затем Сеск Фабрегас сделал счет 4:2. Это означало, что матч окончен. А еще это означало, что Испания впервые за 24 года вышла в полуфинал — тем самым преодолев «смертельную стадию» и свое проклятие, которые казались вечными.

Конечно же, счастьем испанских фанатов не было предела. К тому времени в их движении уже были приняты свои порядки и избраны собственные пантеоны богов. Как «Рамон Санчес Писхуан» стал ареной-талисманом «Красной фурии», так и Маноло-Барабан, мужчина 1949 года рождения, стал символом, приносящим национальной сборной удачу. Предприниматель из Валенсии, который в

2011 году закрыл свой бар «Твой спортивный музей», находящийся недалеко от эстадио «Месталья» (из-за того, что муниципалитет запретил поворачивать экраны телевизоров к улице во время трансляции футбольных матчей и из-за запрещения курения, что сильно сказалось на посещаемости), приезжал практически на каждый матч национала, оглашая окрестности уже узнаваемыми ударами в большой барабан. Маноло на игры надевает гигантских размеров берет и красную футболку «Фурии» с двенадцатым номером. Во время дерби сборной — поединков против команд Португалии, Франции и Италии — барабанщика окружает огромное количество поклонников национала. Да в принципе и во время других игр тоже.

Мануэль Кальво, 44-летний бизнесмен из Овьедо, так характеризует дерби национального масштаба: «Португалию и Францию не любишь потому, что они находятся под боком, все время проигрывают нам в «товарах», но на крупных турнирах готовы подложить какую-нибудь пакость. С итальянцами немного по-другому. Мы с ними играем в совершенно разный футбол, понимаете? Наш чемпионат, Примера, наша сборная и их Лига Кальчо, их «Скуадра Адзурра» — совершенно разные направления в развитии футбола. Мы любим игру, любим красоту футбола, любим, когда забивают много голов. А сколько забивают мячей в итальянском туре? Пять-шесть на двадцать команд? Да и их сборная — это самое скучное в мире зрелище. Они, конечно, много чего выигрывали, но как за них болеть, я не понимаю, уж увольте. Надо продавать диски с матчами сборной Италии и называть их «Лучшее средство для сна». Когда английские клубы исключили из еврокубков и еще некоторое время после этого, мы спорили с итальянскими командами за звание первой силы в Европе. Сейчас вот к нам подтянулись англичане, а итальянцы уступают в рейтинге даже германским клубам. Пусть уступают, но они наши антиподы, и матчи против их сонной сборной всегда будут для нас важными. «Скуадра Адзурра» может победить нас лишь только с помощью серии пенальти либо при вопиюще безграмотном судействе, как это было на итальянском и американском мундиалах. И нет ничего прекраснее, чем переиграть эту никчемную команду».